

Лейкин Николай Александрович

Там и сям

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Там и сям: Рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 332 с.

ISBN 978-5-519-92945-5

Содержание. Публикация На новоселье Однокашники Тигр Скучающая
Затихло Капустный день Предприятие Дельцы Перепись В науку

ISBN 978-5-519-92945-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПУБЛІКАЦІЯ.

ПУБЛИКАЦІЯ.

I.

РѢ кухню ворвался холодный воздухъ съ лѣстницы и за клубился паромъ. Въ небольшой темной прихоженькой, отгороженной отъ кухни и заставленной двумя шкапами, стоялъ молодой человѣкъ въ мѣховой папѣ съ поднятымъ мѣховымъ воротникомъ пальто и, переминаясь съ ноги на ногу, спрашивалъ:

— Здѣсь продается персидскій коверъ и лягавая собака?

Изъ кухни вышелъ, только что сейчасъ умывшійся изъ водопроводнаго крана и утирающійся полотенцемъ, пожилой лысый человѣкъ въ туфляхъ и равномъ халатѣ и говорилъ:

— Коверъ и лягавая собака? Не слыхалъ, не слыхалъ. Нѣтъ, здѣсь и собаки-то не бывало.

— Да я по публикаціи... Вотъ публикація. Вѣдь эта квартира № 46?

— Да, сорокъ шестой, но собаки-то здѣсь никогда не было. Должно быть, не выше-ли... Вы поднимитесь въ квартиру повыше.

— Но вѣдь ужъ квартира повыше будетъ подъ другимъ номеромъ.

— Да, подъ другимъ, но здѣсь-то ничего не продается. Какой здѣсь персидскій коверъ! Здѣсь у насъ и половики-то хорошаго нѣтъ.

— А вы здѣшній хозяинъ?

— Нѣтъ-съ... Жилецъ. Комнату у вдовы бѣлошвейки снимаю.

— Странно. Въ публикаціи ясно сказано, что въ квартирѣ номеръ сорокъ шестой за ненадобностью продается персидскій коверъ и лягавая собака... — пробормоталъ молодой человѣкъ и вышелъ на лѣстницу.

— Да навѣрное это этажемъ выше. Тамъ каждый день лаесть какая-то собака!—крикнулъ ему вслѣдъ лысый человѣкъ и, перекинувъ черезъ плечо полотенце, направился въ комнаты.

Изъ комнаты ему навстрѣчу выскочила худая и высокая старуха въ темномъ шерстяномъ платьѣ и серебряныхъ очкахъ и спросила:

— Съ кѣмъ это вы, Иванъ Ивановичъ, сейчасъ разговаривали?

— Да какой-то дуракъ спрашивалъ, не здѣсь-ли продается коверъ и лягавая собака.

— Да вѣдь здѣсь, здѣсь... Нарочно я и публиковала въ газетахъ. Гдѣ-же этотъ дуракъ?

— Позвольте, но какой-же у васъ коверъ, какая собака!

— Не ваше дѣло. И чего вы суетесь отказывать, ежели васъ не просятъ! За комнату мнѣ не платите и сами-же мнѣ мои планы портите. Гдѣ этотъ дуракъ?

— Да сейчасъ вышелъ на лѣстницу.

Худая и длинная старуха выскочила на лѣстницу и закричала:

— Послушайте... Кто тамъ? Кто спрашивалъ про коверъ и лягавую собаку?

— Это я, сударыня... откликнулся молодой человекъ, спускаясь съ верхней площадки лѣстницы.

— Пожалуйста, пожалуйста... Это здѣсь.

— Ну, скажите на милость! А какой-то человекъ въ халатѣ сказалъ мнѣ, что не здѣсь.

Молодой человекъ вошелъ въ прихожую.

— Это жилецъ нашъ. Онъ немножко не въ своемъ умѣ... отвѣчала старуха.

— Какъ я не въ своемъ умѣ! Что вы врете, Дарья Михайловна! слышалось изъ комнаты.

— Сидите ужъ тамъ, коли Богъ убилъ! Но я передъ вами, молодой человекъ, должна извиниться. Вѣдь коверъ и собака уже проданы. Коверъ купилъ одинъ чиновникъ, а собаку пожилой военный.

— Проданы? Жаль, жаль... Вообразите, а я съ другаго конца города пріѣхалъ.

— И мнѣ очень жаль, что я васъ даромъ потревожила. Неудобно-ли будетъ зайти ко мнѣ въ комнату, отдохнуть и выкурить папироску? Навѣрное вы и озябли. На улицѣ такой морозъ...

— Да нѣтъ... Что-же тутъ...

— Будьте добры, сдѣлайте мнѣ эту честь... Я вдова, живу съ двумя дочерьми... Раздѣньтесь, пожалуйста...

— Да зачѣмъ-же? Мнѣ, право, такъ совѣстно, говорилъ молодой человекъ, однако началъ снимать калоши.

— Помилуйте, какая-же тутъ совѣсть, ежели я понапрасну обезпokoила своей публикаціей! Позвольте, я вамъ помогу снять пальто и повѣсить его. А какая собака-то была хорошая!

— Хорошей породы?

— Дамской породы. Отличная бѣлая, глаза словно человѣчьи, прыгала черезъ палку.

— То есть какъ это дамской породы? Вѣдь вы публиковали, что лягавая.

— Да-съ... Лягавая, но я говорю, что рода-то она была дамскаго.

— Ха-ха-ха! раздавался раскатистый басовой хохоть за дверью.—Вѣдь придумаютъ-же люди тоже...

— Вотъ это у насъ совсѣмъ полоумный жилецъ живетъ. Гоню его изъ комнаты—не выѣзжаетъ. Пожалуйте, пожалуйста, молодой человѣкъ. Очень пріятно познакомиться. Сейчасъ я васъ познакомлю съ моими дочерьми. Сашенька! Лизочка!

Молодой человѣкъ вошелъ въ маленькую комнату, убранную на манеръ гостиной и поражающую необыкновеннымъ обиліемъ всякаго филиейнаго вязанья, которое лежало на столѣ, на стульяхъ, на диванѣ, свѣшивалось пеленой изъ-подъ иконы въ углу.

— Прощу покорно садиться. Вотъ папиросы... предлагала молодому человѣку хозяйка, придвигая ему вазочку съ папиросами и коробку спичекъ.—Извините, папиросы-то ужъ самодѣльные.

— У меня свои есть... отвѣчалъ молодой человѣкъ и закурилъ папиросу.—Ужасный морозъ стоитъ сегодня. Выѣхалъ въ хорошемъ мѣховомъ пальто, и то холодно.

— Да-съ... Рано нынче холода звернули. Вы чашку кофею не прикажете-ли, чтобъ согрѣться?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ужъ кофею-то ни въ какомъ случаѣ. Помилуйте, пришелъ человѣкъ съ улицы...

— Ахъ, это рѣшительно ничего не значить. Иногда такія-то знакомства бывають прочнѣе. Вотъ-съ позвольте вамъ представить моихъ дочерей. Сашенька и Лизочка— Александра Павловна и Лизавета Павловна.

Передъ молодымъ человѣкомъ стояли двѣ дѣвушки—погодки, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, довольно миловидныя, одѣтыя въ сѣрыя юбки и въ пунцовыя канаусовыя кофты, опоясанныя чернымъ ремнемъ. Онѣ поклонились и сѣли. Молодой человѣкъ пристально посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Какъ жаль, что вы продали вашу собачку.

— Да, да... И вообразите, только вчера, заговорила Сашенька.—Пришелъ молодой человѣкъ съ черныенскими усиками въ бобровомъ пальто, еще даже совсѣмъ юный, моложе васъ...

— А ваша маменька мнѣ сейчасъ сказала, что собаку купилъ пожилой военный...

Дѣвушка смѣшалась.

— Нѣтъ, онъ не пожилой и вовсе не военный... Это маменька такъ со слѣпа. Она совсѣмъ плохо видитъ.

— Да, да... Можетъ быть и не военный, можетъ быть и не пожилой, а молодой и статскій... заговорила мать. — Вѣдь не я собаку продавала, а вотъ дочери. Сашенька! обратилась она къ дѣвушкамъ.—Займи гостя покуда, а я сейчасъ схлопочу насчетъ кофейку.

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте мнѣ распрощаться, ко-

фею я пить не буду, поднялся съ мѣста молодой человекъ, взявшись за шапку.

— Отчего-же? Чего вы церемонитесь? Выкупайте для перваго знакомства.

— Не могу-съ. Извините. Вотъ папиросу выкурилъ—съ меня и довольно. Мое почтеніе.

Молодой человекъ вышелъ въ прихожую, одѣлся и ушелъ.

— Ну, что? Не говорила-ли я вамъ, что вся эта публикація пустяки! воскликнула Сашенька.

— Ахъ, Боже мой! Да нельзя-же вдругъ. Вѣдь всего и было-то только четверо, отвѣчала мать. Ну, еще пятый и шестой сорвется, а седьмой и восьмой познакомятся—и почемъ знать, можетъ-быть и доброе дѣло будетъ, отвѣчала мать.—Гдѣ-же иначе васъ и показать, дуры вы эдакія! Въ клубы везти — по клубамъ нынче хорошія дѣвушки не ходятъ. А тутъ нѣтъ-нѣтъ, да женишокъ и навернется. Вѣдь не перестарки вы, да и не кривыя, не косыя, не убогія. Умѣйте только словить человека.

— Даромъ только на публикаціи тратитесь, сказала Лизочка.

— Ахъ, Боже мой! За два-то раза публикаціи взяли всего только восемь гривенъ! Да вы на кедровыхъ орѣхахъ въ недѣлю больше проѣдите. Черезъ сваху жениховъ искать—только даромъ рубли ей передавать да угощеніе въ ея утробу стравлять. Да и не прилично со свахой. А тутъ и прилично, и благородно, и никакой тѣни на васъ я не навожу. Нѣтъ, ужъ дайте мнѣ попробовать. Такъ и быть, истрачу я еще три рубля на публикаціи. Теперь публикую о собакѣ и о

коврѣ, а потомъ буду публиковать о скрипкѣ и о фотографическомъ аппаратѣ, а тамъ можно что нибудь новое придумать.

— Ха-ха-ха... раздавался басистый хохоть за стѣной.

Хозяйка подскочила къ стѣнѣ, стукнула въ нее кулакомъ и крикнула:

— А васъ, Иванъ Ивановичъ, завтра-же съ квартиры долой, ежели вы будете вредить моимъ начинаніямъ! Помилуйте, и за квартиру не платить, и семейству вредить хочетъ.

— Ахъ, Боже мой! Да почему-же я зналъ, матушка, что у васъ продается коверъ и лягавая собака! Вы бы раньше предупредили! слышался басъ изъ-за стѣны.

II.

ДВЕРЕЙ раздался звонокъ. Дарья Михайловна сама бросилась отворять. Въ дверяхъ стояла пожилая женщина въ байковомъ платкѣ на головѣ и въ суконномъ пальто-кацавейкѣ съ мѣховой опушкой на воротѣ вмѣсто воротника.

— Публикація тутъ была насчетъ собаки. Здѣсь можно видѣть собачку-то эту самую?—спрашивала женщина.

— Была да слыла. Продали,—отвѣчала Дарья Михайловна и прибавила:—экъ, вы хватились! Третій день публикаціи идетъ о собакѣ, а вы сегодня только пришли. Хорошія собаки долго не залеживаются.

— Продали? Жалко, жалко. А баринъ такъ просилъ... «Сходи, говорить, и узнай»... Давно ужъ ему хочется себѣ лягавую собаку.

— Барину? Вы отъ барина?—быстро спросила Дарья Михайловна.

— Да, да... Отъ барина. Да нравный онъ такой. Вотъ какъ теперь сказать ему, что продана собака? Раскричится. Признаться, онъ мнѣ вчера еще сказалъ, чтобъ сходила я и узнала, почемъ собака.

— Вчера только и продали.

— Ахъ, какая досада! Дамскаго пола собачка-то была или мужскаго?

— Дамскаго, дамскаго...

— Вотъ, вотъ... Дамскаго пола ему и надобно. Онѣ, говорить, къ охотѣ способнѣе... Дамскаго-то пола, то есть...

— Продали, продали.

— А за сколько продали?

— За пятнадцать рублей.

— Ну, скажите на милость! Такъ вѣдь и онъ сказалъ: «коли, говорить, не дороже пятнадцати рублей, то промотаю». Присматривали мы тутъ у егеря. За щенка десять рублей...

— А мы взрослую дрессированную собаку за пятнадцать рублей продали.

— Жалко, жалко... Ну, извините...

Женщина начала уходить.